

На венецианской площади Сан-Марко солнце ласково озаряло древний собор, укутывая величественное здание золотистым сиянием. На мостовой отчетливо проступали следы переплетения истории и современности, и каждый шаг казался прикосновением к самому пульсу времени.

Дора сидела перед переносным мольбертом, всецело поглощенная копированием собора. Ее кисть легко порхала по бумаге, очерчивая детали шпилей и резных узоров, словно стремясь запечатлеть саму душу архитектуры. Лицо девушки частично скрывали очки в черной оправе, сквозь линзы которых поблескивали острые, как клинок, темные глаза. Длинные волосы, подобные ночи перед рассветом, рассыпались по спине, а густая челка придавала ей налет спокойствия и задумчивости.

В этот момент несколько озорных голубей заметили хлеб на коленях у девушки. Они захлопали крыльями, пытаясь подобраться ближе к художнице, но какая-то неведомая сила словно преграждала им путь. Птицы не могли приблизиться к ее ногам и кружили вокруг, склевывая крошки с земли.

Дора внезапно остановила кисть и, склонив голову набок, с любопытством разглядывала пухлых голубей. Уголки ее губ тронула улыбка, будто она обдумывала некий забавный вопрос.

— И как же их лучше приготовить, чтобы было вкуснее? — нарочито глубокомысленно пробормотала Дора, и в ее мягком голосе проскользнули озорные нотки.

Эта фраза подействовала как заклинание, внушив птицам небывалый ужас. Казалось, они поняли скрытый смысл слов, и, охваченные паникой, голуби бросились врассыпную, больше не осмеливаясь приближаться к этой на вид такой кроткой девушке. Пухлые птицы, похожие на взъерошенные комочки перьев, в суматохе роняли пух, а Дора, вращая кисть между пальцев, согнулась от смеха.

Площадь была наполнена пьянящим ароматом кофе, шумом людских голосов, в которых чувствовалась сама жизнь, и мелодичными звуками скрипки, делавшими этот момент еще прекраснее. Здесь каждый мог найти свое спокойствие и радость, и казалось, что весь мир стал чуточку нежнее.

Дора сдвинула очки на лоб, прикрыла глаза и глубоко вздохнула. В эту минуту она словно забыла обо всех тревогах, полностью погрузившись в эту неповторимую атмосферу человеческого бытия.

— Дора! — раздался энергичный голос, сопровождаемый быстрыми шагами. — Дора, Дора!

К ней, подобно красному вихрю, приближалась темноволосая красавица, размахивающая папкой с документами. Она была чуть старше Доры, лет двадцати, с точеной фигурой и в ярком алом платье, напоминавшая распустившуюся розу.

Услышав зов, Дора приложила руку ко лбу и беспомощно улыбнулась. Она слишком хорошо знала эту подругу, чья порывистость одновременно утомляла и вызывала симпатию.

— Сия! — негромко отозвалась Дора, поднимая голову.

Поймав на себе холодный взгляд, Сия тут же притихла. Ее лицо приняло выражение провинившегося корги, она виновато и заискивающе улыбнулась.

— Ну зачем так бежать? Все уладила? — с притворной строгостью спросила Дора, хотя в ее глазах читалось бесконечное обожание.

— Хе-хе, боялась, что заставлю тебя ждать, — Сия показала язык и протянула папку. — Вот, пришлось изрядно попотеть, чтобы все устроить.

— Больше так не делай, безопасность прежде всего, — Дора взяла документы и слегка похлопала подругу по плечу.

Сия закивала, окончательно превратившись в корги, и затрясла Дору за руку:

— Поняла, Дора! Пойдем скорее в ту кондитерскую, а то тирамису разберут.

Разве могла Дора отказать Сие? Это было невозможно!

— Хорошо, хорошо. Купим не только тирамису, но и мороженое, и тарталетки.

Приведя все в порядок, девушки рука об руку направились сквозь толпу к новой кондитерской. Их силуэты в лучах заката выглядели удивительно красиво, становясь частью очарования площади.

Позже, неся пакеты со сладостями и огромные рожки с мороженым, они неспешно шли к своей квартире. Сия была в приподнятом настроении:

— Ну вот, документы на опеку оформлены. Теперь я твой опекун, так что веди себя прилежно!
— она озорно подмигнула и потрепала Дору по голове.

Дора приподняла бровь, внимательно оглядела Сию с ног до головы и холодно произнесла:

— Ты уверена?

В ее тоне сквозило равнодушие, словно она не придавала значения попытке Сии сменить роли. Сия невольно вздрогнула, тут же приняв заискивающий вид:

— Не уверена! Нет, я ошиблась, босс! Я навсегда останусь твоей верной шестеркой.

Она шутливо отдала честь, заставив Дору рассмеяться.

— Какая еще шестерка, — Дора покачала головой, но в глазах ее светилась нежность. Она тихо вздохнула и добавила уже мягче: — Мы в новом мире, и все начинается сначала. Ты можешь жить свободно, не нужно быть моей тенью.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Сии. Она вцепилась в руку Доры, испуганно спросив:

— Неважно, какой это мир, мы навсегда останемся семьей. Ты хочешь меня бросить?

Голос ее дрожал. Дора видела, что Сия, несмотря на свою браваду, в ужасе от этой мысли. Она шагнула вперед и крепко обняла подругу:

— Конечно, мы всегда будем семьей. Я просто боялась, что ты захочешь испытать иную жизнь. Ведь наш прошлый мир был таким опасным и сложным.

В теплых объятиях Доры тревога Сии начала утихать. Она почувствовала небывалое спокойствие. Сия прижалась подбородком к темным волосам Доры и прошептала, сдерживая слезы:

— Я не хочу уходить, Дора. В каком бы мире мы ни оказались, мы встретим всё вместе.

Дора погладила ее по спине:

— Не бойся. Что бы ни случилось, я защищу тебя. Мы начали новую жизнь.

— Дора, спасибо, что ты рядом, — прошептала Сия. — Я знаю, что я бестолковая, но я буду стараться. Только, пожалуйста, не бросай меня.

— Не говори глупостей, словно я какая-то бессердечная, — Дора привстала на цыпочки и потрепала Сию по голове. — На самом деле это ты всегда защищаешь меня, я без тебя никуда, мое маленькое солнышко.

Сия, хоть и была порой безрассудной, обладала искренним и горячим сердцем, согревающим, словно зимнее солнце. Ее улыбка всегда была такой яркой, что казалась способной разогнать любую тьму.

Спустя время Сия подняла голову и серьезно произнесла:

— Дора, давай вместе постараемся прожить в этом мире счастливо. Не разочаровывайся в жизни, а если станет совсем тяжело — не оставляй меня одну.

Закат растянул их тени, золотисто-алые лучи окутали волосы и подола платьев. Вдали церковный колокол спугнул вечерних птиц, а в их сцепленных ладонях еще теплилось последнее тепло. Когда фиолетово-серые сумерки начали поглощать остатки зари, никто не

заметил, как тени, ползущие от корней деревьев, тихо потянулись к их обнявшимся фигурам.

<http://bllate.org/book/20046/1980880>